

В.А.Архангельский

Письмо А.Т.Шаталову и А.М.Еремину 14 декабря 1983

Оцифрованная копия машинописного экземпляра автора

Весь текст письма 1983 года приведен полностью без изъятий и переделок. Подчеркивание заменено курсивом, разрядка – жирным шрифтом.

Пояснения и комментарии 2011 года подсвечены голубым фоном.

Уважаемые Александр Трофимович и Альберт Михайлович!

Прежде всего разрешите от всей души и чистого сердца поблагодарить вас за проделанную вами работу по изучению моей рукописи, за откровенные и нелицеприятные для меня отзывы, а Вас, Альберт Михайлович, кроме того, за многочисленные пометки и замечания, сделанные на возвращенном мне экземпляре рукописи.

Обращаясь к Вам, уважаемый Альберт Михайлович, как к автору отзыва, я испытываю чувство некоторой неуверенности. Ведь сведения о Вашем авторстве я почерпнул не из самого отзыва, присланного из ИЭ АН СССР без подписи, а из ответа А.Т.Шаталова, в котором, однако, упоминаются Ваши критические замечания, отсутствующие в полученном мной экземпляре отзыва.)

Отрицательная оценка моей работы в целом и ряда ее отдельных положений с моей стороны потребует еще самых серьезных размышлений над многими (если не всеми) затронутыми в ней вопросами, дальнейшего углубленного изучения общественных наук, их достижений, имеющихся и возникающих вновь, как и в любой другой науке, проблем.

К моему сожалению, после Вашего, Александр Трофимович, ответа, в котором говорится о бесполезности продолжения обмена мнений между мной и кем-либо вообще из числа даже авторитетных советских ученых, я не могу сейчас рассчитывать на Ваш ответ, который, однако, для меня во всяком случае, имел бы немаловажное значение.

Поэтому прошу каждого из Вас отнестись к этому письму прежде всего как к личному, и только если сочтете это необходимым, можете рассматривать его как адресованное должностным лицам Институтов экономики и философии.

Однако посылки, из которых Вы, уважаемый Александр Трофимович, сделали свой вывод о беспредметности продолжения нашей дискуссии, все-таки дают некоторую надежду и на возможность, и даже на целесообразность продолжения нашего разговора, откровенного и принципиального, задачей которого, по моему мнению, в сложившейся ситуации должно стать прежде всего более полное уяснение и уточнение наших исходных позиций **1/2** и конечных целей начатой мной дискуссии.

Поначалу я не мог понять, что могло дать повод для Вашего, Александр Трофимович, утверждения о том, будто *по моему собственному признанию* я не вижу среди авторитетных советских ученых никого, кто мог бы успешно вести со мной полемику, и что я исключаю возможность каких-либо ошибок с моей стороны. Потом подумал: а не страницы ли 377–378 рукописи, где я выразил вслух свою уверенность в конкурентоспособности выдвинутой гипотезы с существующими и знакомыми мне представлениями по тем или иным вопросам социально-экономических наук, навели Вас на эту мысль? Но тогда скажите, разве в науке новые идеи всегда только дополняют старые? (1?) Разве они никогда не приводят к разрушению и перестройке старых представлений? (2?) А раз так, то разве они побеждают сами по себе? (3?) Разве они не требуют

активных действий носителей этих идей – их авторов и сторонников? (4?) И можно ли вообще бороться за них, не будучи *уверенным*, что они **могут** (именно могут, а не **должны**) вернее отражать свой объект, чем существующие? (5?)

Я ставлю в скобках номера вопросов на случай, если вы все-таки сочтете небесполезным ответить мне на это письмо. Тогда, даже ограничившись в ответе коротким «да», «нет», «не ясен вопрос» или, скажем, «вопрос поставлен неправильно, правильно так-то» против соответствующих номеров, вы сэкономили бы массу времени, а я – получил бы интересующую меня информацию.

Но к своим взглядам я отношусь как к предположению, как к *гипотезе*, которая должна пройти и огонь, и воду, и медные трубы всесторонней проверки, как путем ее обсуждения со специалистами, так и временем, то есть предстоящим ходом развития общества и общественных наук.

И если бы я видел, что выдвинутой концепции сегодня противостоят такие альтернативные ей представления, против которых она абсолютно бессильна, поверьте мне, я не стал бы выносить ее на обсуждение до тех пор, пока не убедился бы в том, что мои представления способны конкурировать с некоторыми общепринятыми и широко распространенными.

Да, я с откровенной прямоотой выразил свою мысль о том, что не вижу, чтобы выдвинутой концепции могли быть всерьез противопоставлены **2/3** общепринятые концепции беспротивоположностной классовости социалистического общества, существующие теории производительного труда и т.д. (стр. 377), каковы они суть *сегодня*. Но неужели тем самым я сказал и о том, что в нашей науке нет ни одного исследователя, которого не волновали бы проблемы обществоведения, что никто не ведет пытливого поиска их решения? Да ведь вся моя рукопись буквально наводнена примерами различного подхода современных исследователей к имеющимся проблемам общественных наук. Настоящих ученых всегда отличает поиск неизвестного, стремление согласовать теорию с данными опыта, стремление взаимоувязать представления по тем или иным отдельно взятым вопросам обществоведения между собой, как отражения взаимосвязанных между собой отдельных сторон, отдельных граней, отдельных частей единого объекта познания – социалистического общества, являющегося в свою очередь и органической частью всего окружающего нас реального мира, и неотъемлемым звеном в единой цепи исторического развития человеческого общества.

Вы же, Александр Трофимович, поняли мою прямооту как утверждение о том, будто я вообще считаю свои представления божественно-непогрешимыми, будто по моим представлениям нет ни одного ученого, который мог бы успешно вести со мной полемику. И если в тексте рукописи говорится о том, что я весьма высоко оцениваю шансы успешного выхода гипотезы из теперь уже фактически начавшегося взаимодействия с общепринятыми взглядами, то для меня и один процент высокая величина, но и меньшая их оценка не является достаточной для того, чтобы отказаться от делового обсуждения концепции диапротобности социализма. Поэтому Вашу трактовку моего оптимизма в отношении перспективы исхода борьбы выдвинутой концепции с сегодняшними общепринятыми представлениями я не могу расценить иначе, как недоразумение, причиной которого, вероятно, явилась не совсем обычная, может быть – даже вызывающая (но вызывающая только на откровенный обмен мнениями) форма подачи гипотезы диапротобности социализма (но согласитесь, дело не в форме: форму, если она плоха, всегда **3/4** можно изменить, уж что-что, а это проще всего, было бы содержание). В противном случае у меня могут возникнуть подозрения, что Ваши слова о том, будто я принципиально исключаю возможность каких-либо ошибок с моей стороны – это лишь предлог для того, чтобы уклониться от обсуждения диапротобно-классоидной концепции социалистического общества по существу, что действительные причины попытки ухода от нее заключаются в чем-то другом, о чем Вы решили умолчать.

Ведь кому-кому как не мне самому лучше известно, сколько мучительных сомнений по поводу именно диапротобной классоидности социалистического общества мне пришлось испытать, насколько невероятным мне казалось, чтобы эта идея, родившаяся не в среде обществоведов-профессионалов, а в сознании рядового участника производственных отношений социализма, могла бы правильнее отражать социальную действительность социализма, чем общепринятые сегодня представления о беспротивоположности развивающегося социалистического общества.

Сам текст рукописи свидетельствует о том, что мне известно немало исследователей, которые вели и ведут смелый поиск решения проблем общественных наук, что многие из них по тем или иным вопросам тоже подошли или подходили к близким относительно выдвинутой концепции представлениям, и среди них могу назвать С.Г.Струмилина, Л.М.Гатовского, Я.А.Кронрода, Р.И.Косолапова, Л.И.Абалкина, В.А.Медведева, Н.Д.Колесова, В.П.Корниенко, Ю.Н.Пахомова, Е.Шереметьеву, А.И.Юдкина, П.П.Лопату, К.П.Тронева, С.П.Дуделя, Г.М.Штракса, В.С.Барулина, А.М.Минасяна, Н.А.Аитова, И.А.Мороза и многих других (правда, к большому сожалению, с некоторыми из них я уже никогда не смогу обсудить выдвинутую концепцию).

Но я готов обсуждать любые положения выдвинутой концепции с любым обществоведом при условии, разумеется, если у него нет того предубеждения, будто все, что исходит от непрофессионалов – это в лучшем случае повторение всем известного, как правило – скучная чепуха, а то и буржуазные и ревизионистские инсинуации, что только в узкой среде профессионалов, дипломированных и засвидетельствованных специалистов **4/15** могут быть открываемы научные истины, что их открытие недоступно никому из многомиллионной массы простых участников общественных отношений социализма.

Вы, Александр Трофимович, пишете, будто я, по Вашему мнению, задался «целью сокрушить официальную науку». Мне непонятна Ваша мысль. Разве, по Вашему мнению, помимо науки, которая, как и все развивающееся, развивается тоже по законам диалектики, во внутренней борьбе противоположных представлений, с постепенным приростом новых знаний и **закономерными** периодическими качественными подъемами то тех, то других отраслей знания на новые высоты, переосмысливанием старых истин, превращающихся в заблуждения, когда в процессе познания изучаемого объекта удастся проникнуть в тайны природы или общества еще глубже, сделать очередной шаг к абсолютной истине (а со стороны это всегда выглядит как «разрушение» старого здания науки с одновременным «возведением» нового здания, вбирающего в себя – или диалектически «снимающего» – все ценное, что было в старом), есть еще и некая «официальная наука», не способная к своему отрицанию, к превращению в нечто другое, в высшее, в качественно новое? (6?) Или вы полагаете, что уровень развития общественных наук сегодня столь низок, что не может быть еще никакой речи об их подъеме на новую ступень? (7?)

Вы, Александр Трофимович, верно поняли смысл выдвинутой гипотезы в том отношении, что она действительно направлена на отрицание некоторых нынешних представлений о современных нам общественных отношениях, но почему Вы решили, что это может лишь толкать общественное знание в пропасть метафизического отрицания, простого уничтожения, и не способно звать к ее отрицанию диалектическому, то есть к подъему на качественно новую высоту? (8?)

Кстати, Альберт Михайлович, без Вашего комментария я вряд ли пойму, какие соображения легли в основу Вашего сомнения в научной правомерности

поиска решений проблем политической экономии социализма, если он сопровождается пересмотром некоторых общепринятых представлений. Не 5//6 присоединяетесь ли Вы, часом, к тем читателям «Вопросов философии», которые «считают сущностью "научного" именно отсутствие собственной точки зрения на предмет, некую "общепринятость", бесспорность выдвигаемых положений», а достоинства своих работ видят в отсутствии «авторской фантазии и собственных концепций» (см. Вопр. филос., 1982, № 7, с. 153)? (9?)

У нас с вами сегодня разные (и не в мою пользу) «весовые категории», но в науке, насколько мне известно, в конечном счете решающую роль играет не общественное положение носителей конкурирующих представлений, а степень приближения последних к своим объектам отражения; хотя, конечно же, занимаемые должности, ученые степени и звания спорящих авторов оказывают немаловажное влияние и на скорость течения, и на направление, и на сроки исхода борьбы их представлений. После ваших категорически отрицательных заключений (и направленных, как я понимаю, не только в мой адрес) по поводу выдвинутой концепции едва ли у кого может прибавиться желания тратить время на ее изучение.

Но раз уж так получилось, что ваши отзывы как специалистов по политэкономии и философии прозвучали как окончательные и безапелляционные (пусть даже смягченные словами «на наш взгляд», «пор моему мнению», «судя по всему» и др.) «приговоры» выдвинутой концепции, а сама гипотеза диапротобности социализма рассматривается вами как старая и всем известная виновная обвиняемая, я вынужден высказать в ее защиту ряд соображений прежде всего вам, уважаемый Александр Трофимович и Альберт Михайлович.

Сославшись на трудность рецензирования, на большой объем рукописи и на практическую невозможность разбора «всех авторских позиций и предположений (тем более – не политэкономических)», Вы, Альберт Михайлович, сосредоточили свое внимание главным образом на двух вопросах: на защите общепринятого тезиса о том, что рабочая сила при социализме является нетоваром, и на повторении ошибочного, с моей точки зрения, мнения о том, что «в социализме ничего правильно понять нельзя», если 6//7 мы не будем исходить из того, что отношения между людьми на социалистической фазе (ступени) – это не полностью развитые отношения, которыми будут охвачены члены собственно коммунистического общества. При этом Вы исказили (судя по пометкам на рукописи – не преднамеренно, а от того, что не поняли существа предложенной диапротобной концепции социализма) мою позицию по обоим этим вопросам.

«С попытки опровергнуть нетоварный характер соединения рабочей силы автор начал свою работу и именно этим характеризуется вся "новая концепция" тов. Архангельского, ее глубинный смысл. Однако ничего нового в этой концепции фактически нет. Ее критике давно уделялось внимание (в том числе и с точки зрения буржуазных и ревизионистских инсинуаций в адрес социализма по поводу наемности рабочей силы).» «Судя по всему, тов. Архангельский присоединяется к давно раскритикованной позиции о признании и при социализме рабочей силы товаром. Во всяком случае он сочувственно цитирует соответствующих авторов и пространно критикует признание рабочей силы нетоваром», – утверждаете Вы, Альберт Михайлович.

«Глубинный смысл» и новизна предложенной гипотезы заключаются, однако, не в этом. Они заключаются в том, что *социалистическое общество рассматривается как качественная определенность, как общество диалектических противоположностей, в качестве которых выступают не антагонистические классы, и даже вовсе не классы (т.е. большие группы людей), а НЕклассовые образования (классоиды) с неантагонистическими*

противоречиями между ними. Мне, например, неизвестны авторы (а тем более из числа буржуазных теоретиков или ревизионистов марксизма), которые выдвигали бы идею классоидности социалистического общества. Мне неизвестно также, кто, когда и почему называл эту идею злонамеренной клеветой на социализм (10?); кто, когда и с каких позиций выступал с критикой диапротобно-классоидного представления о природе социалистического общества (11?).

К данному представлению я подошел не «с попытки опровергнуть 7//8 нетоварный характер соединения» факторов производства, а с желанием разобраться в этом вопросе (см. стр. 4–5 рукописи). И отнюдь не в опровержении нетоварного характера рабочей силы заключено то, в чем Вы, Альберт Михайлович, усмотрели «глубинный смысл» моей концепции! Мой взгляд на этот вопрос состоит в том, что данный объект (рабочая сила при социализме) вне всякого сомнения уже с момента возникновения социалистических производственных отношений обладает признаками нетовара, но не только ими, **кроме** этих признаков он обладает и признаками товара, что суть движения и развития социалистических производственных отношений, взаимодействующих с развивающимися производительными силами, в направлении к коммунистическим заключается именно в процессе превращения товарной части рабочей силы в нетовар, и до тех пор, пока этот процесс не будет завершен, социализм останется социализмом, с сохранением непроизводительных затрат труда в сфере учета и контроля за мерой труда и мерой потребления, с сохранением противоположности экономических отношений личной и общенародной собственности в базисе общества, а следовательно, и с сохранением сопряженных с ними права личной и общенародной (государственной) собственности и государства в надстройке.

В своей гипотезе я говорю: сама постановка вопроса «является ли рабочая сила при социализме только товаром или только нетоваром?» (и из которого исходят, но который по-разному решают как сторонники, так и противники нетоварности рабочей силы) неверна; правы и те, кто отмечает наличие у рабочей силы нетоварных свойств, и те, кто видит у нее свойства товарные (см. стр. 237, 374–375). Вопреки этому Вы приписываете мне взгляд, который я как раз и отрицаю, будто «судя по всему» я присоединился к сторонникам отрицания нетоварности рабочей силы.

Основание для такого суждения, видимо, послужило то, что я «сочувственно цитирую» противников разделяемой Вами точки зрения и «пространно критикую» позицию, отрицающую наличие каких-либо товарных свойств у рабочей силы при социализме. Да, в работе есть и 8//9 «сочувственное цитирование», и «пространная критика» (которую, кстати, вы целиком приняли за повторение давно Вам известного).

Но если бы сегодня в науке громче всех были слышны голоса тех, кто утверждает, что рабочая сила – это товар и только товар, если бы среди этого громкого хора еле прослушивались слабые голоса сторонников точки зрения, разделяемой Вами, Альберт Михайлович, то мне пришлось бы строить изложение выдвинутой концепции по-другому: незачем было бы подчеркивать, что объект обладает свойствами товара и критиковать суждения тех, кто думает, что объект имеет признаки нетовара. Наоборот, пришлось бы сделать упор на критику взглядов на объект как исключительно на товар и поддержать тех, кто придерживается иного мнения. Но тогда представителям большинства могло бы, очевидно, показаться, будто «глубинный смысл» моей концепции характеризуется попыткой гальванизировать раскритикованный труп представлений о рабочей силе как нетоваре.

Видите ли Вы, Альберт Михайлович, что сосредоточили острие Вашей критики против того, с чем я и сам не согласен? (12?) Если да, то тогда Вы должны понять, что Ваша критика лишь ослабляет и ведет к утрате позиций, на которых Вы стоите. Ведь фактически Вы **уклонились** от рассмотрения вопросов, изложенных в моей гипотезе, подменив их другими.

В физике с XVII по XX век шла борьба между сторонниками волновой и корпускулярной теорий света, борьба, шедшая с переменным успехом тех и других. К концу XIX – началу XX века господствующей стала волновая теория, сторонников корпускулярного учения – ничтожное меньшинство. И вдруг высказывается идея, позволяющая объединить в одной теории оба этих представления, и снимающая многие трудности с волновой теории.

Попробуйте, Альберт Михайлович, представить себе, как реагировал бы автор этой новой идеи, новой гипотезы, нового представления в науке, которое он вынес на обсуждение и которое, как выяснилось потом, откроет в физике новое направление исследований на долгие годы, если бы в ответ получил «разгромный» отзыв следующего содержания:

– Ничего нового нет, о корпускулах говорили многие, в том числе и лжеученые-мракобесы, и поэтому незачем рассматривать эти лженаучные инсинуации тьмы в адрес света, незачем поднимать вновь этот давно и окончательно решенный в пользу волновой теории вопрос. А поскольку автору гипотезы известна литература с аргументацией против корпускулярной теории, то в силу этого он и сам бы мог более трезво оценить новизну своей «новой» гипотезы, глубинный смысл которой заключается в отрицании у света волновых свойств.

Мы-то теперь знаем, что свет имеет квантово-волновую природу, являясь в одно и то же время и потоком частиц (фотонов) и электромагнитных **9//10** волн; зато каким победителем чувствовал себя рецензент, одним росчерком «перечеркнувший» гипотезу, на страницах которой он оставил пометки: «темно-темно», «кривых много, а о законе неясно», «что это за предмет, о чем речь?» и им подобные как раз в тех местах, где излагается ее положительное содержание.

Далее, Альберт Михайлович, Вы заявляете, будто «невнятно, походя» я *смешиваю* вопрос о последовательности исследования фаз послекапиталистической истории с общепринятым положением о том, что социализм – это «фаза (ступень) коммунизма, и его отношения являются коммунистическим прежде всего (хотя и не полностью развитыми коммунистическими)». Это – не смешение, а та связь, из которой исходит, например, И.И.Кузьминов в «Очерках политической экономии социализма» (М., 1971). На стр. 63 он пишет: «...обе фазы имеют общую основу в виде единства специфических производственных отношений, общих как для первой, так и для второй фазы, но находящихся на различной ступени зрелости. *Поэтому* (подчеркнуто мной, – В.А.) начинать исследование производственных отношений социализма следует именно с выявления и раскрытия этих общекоммунистических отношений...». Как видим, предлагается *начать* исследование социализма с отражения коммунизма вообще, коммунизма в широком смысле. А где и когда в наиболее чистом виде проявятся эти самые общекоммунистические отношения? На высшей фазе коммунизма, говорят сторонники представлений о том, будто социализм и собственно коммунизм нельзя рассматривать как самостоятельные способы производства и формации, а следует рассматривать только как фазы единого общекоммунистического способа производства и общественно-экономической формации. Отсюда – дальнейшее развитие мысли И.И.Кузьминова Н.А.Цаголовым, который тоже *связывает* последнее представление с вопросом о последовательности познания социалистических и коммунистических отношений: «нельзя изучать социализм, абстрагируясь от того, что обще ему и коммунизму в собственном смысле слова. ... Фаза социализма не может быть познана без того, что полностью раскрывается лишь при коммунизме. ... Чтобы проникнуть в сущность незрелой фазы, необходимо проникнуть в сущность зрелой фазы» (Методологические проблемы исследования экономики развитого социализма. М., 1976, с. 59–60).**10//11**

Так где же все-таки: «может быть... где-то» или в книге, вышедшей с надзаголовком Института экономики АН СССР, под редакцией экономистов, среди которых значится и фамилия В.Н.Черковца, содержится эта «нечеткая

формулировка», Альберт Михайлович? Ведь это и есть те самые взгляды, которые «невнятно, походя смешивает тов. Архангельский» и «которые он понимает почему-то в виде тезиса: "приступить к исследованию социализма можно только после исследования" коммунизма». А как иначе прикажете понимать данные утверждения И.И.Кузьмина и Н.А.Цаголова, как не открытое заявление о том, будто *непременным условием* познания «незрелого» социализма является познание конечного продукта его развития – «зрелого» коммунизма (13?), как не заявление о том, что социализм не познаваем, если не познана вторая фаза послекapиталистической истории (14?)? Как иначе прикажете понимать Ваше, Альберт Михайлович, утверждение о том, что «без этого... в социализме ничего правильно понять нельзя» (15?)?

Перед нами очень четко сформулированная (и не мной) точка зрения, против которой я решительно возразил в рукописи и возражаю сейчас, и согласно которой *мы не можем вскрыть сущность социализма, если не познана сущность коммунизма в узком смысле*. Но как, скажите, познать эту вторую фазу:

а) подождать, пока она не станет объективной реальностью, достигнет зрелых форм и станет, таким образом, объектом, доступным для снятия с него теоретического слепка (16?)?

б) сделать это сегодня, воспользовавшись априорными истинами о ней, в том числе представлениями и научными прогнозами, сделанными основоположниками марксизма на основании открытых ими тенденций развития капиталистического общества, застыть на толковании положений «Критики Готской программы» (17?)?

Я понимаю, конечно, что голословно отрицать мои представления много легче, чем четко ответить на эти «не политэкономические» вопросы, но от ответа на них политэкономам никуда не уйти. не спрятаться. Разве не **11/12** от решения именно **этих** вопросов будет зависеть, примут ли исследователи социально-экономических отношений социализма материалистическое или идеалистическое направление, впадут они или нет в агностицизм, смогут или нет они вооружить Коммунистическую партию теорией, дающей верное отражение сущности социализма, законов его развития и превращения в нечто другое, в несоциализм, в другую, коммунистическую фазу послекapиталистической истории (18?)?

То решение данного вопроса, которое разделяется мной в выдвинутой концепции и является одним из ее *исходных пунктов*, заключается в том, что **независимо** от того, подтвердит ли будущее развитие общества и науки о нем нынешние общепринятые представления о том, что социализм и коммунизм – это две единственно возможные фазы всей послекapиталистической истории, или не подтвердит, в **любом** случае мы должны при исследовании социализма, этого реально данного объекта, выражаясь словами Ф.Энгельса, оставить в покое недостижимую «абсолютную истину» о всей будущей человеческой истории, но зато устремиться в погоню за достижимыми для нас относительными истинами, продуктами познания исторически ограниченного социализма, этого небольшого звена безграничной (для нас во всяком случае) послекapиталистической цепи развития социально-экономических отношений (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 278). Только тогда мы сможем занять позиции материалистической теории познания, только тогда теоретическое описание социализма может стать правильным отражением объективной реальности социализма, данной нам в ощущениях. Согласны ли Вы с этим (19?)? Если нет, то почему (20?)? Или Вы уже ответили на этот вопрос в последнем предложении Вашего письма, с которым (предложением) я вполне согласен (21?)?

«...Вопрос об источнике познания,— писал В.И.Ленин,— вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии, вопрос, который может быть

переряжен на тысячу ладов клоунами-профессорами, но который не может устареть, как не может устареть вопрос о том, является ли **12//13** источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 145–146).

Вопрос стоит так:

1) либо связывать наши сегодняшние представления о социализме и коммунизме как фазах одной формации с исследованием социализма, и исходить из предположения, что существующего реального объекта исследования (т.е. социализма), данного нам в ощущениях, недостаточно, что для его «правильного» отражения необходимо привнести в исследование в качестве дополнительного источника познания еще и априорные идеальные представления о коммунизме (за что нас агитируют И.И.Кузьминов, Н.А.Цаголов и с чем, насколько я понял, согласны и Вы, Альберт Михайлович);

2) либо отказаться от привнесения в процесс познания сущности социализма наших априорных представлений о будущем, объективно пока не существующем (а потому и не могущем иметь своего отражения) собственно коммунизме, а ограничиться пока только тем, что дают нам реальности общественного бытия (см. стр. 28 рукописи), и это не просто декларация, как Вам показалось!

Только в первом случае мы имеем то «смещение», которое Вы, Альберт Михайлович, почему-то приписали мне вместо того, чтобы встать на его защиту самому, если уж Вы его придерживаетесь. Но только во втором случае мы можем освободиться от схоластического теоретизирования, от рассуждений о коммунизме вообще (читай: обо всей безграничной послекапиталистической истории, если ты сторонник того мнения, что коммунизм – это заключительно-завершающая историю формация) и встать на твердую почву фактов и явлений современной нам жизни, социалистической ступени развития человеческого общества. **13//14**

Исследователи, занимающие последовательно материалистическую линию, отстаивают именно это требование. Так, Л.И.Абалкин, касаясь призывов И.И.Кузьмина и возглавляемого Н.А.Цаговым авторского коллектива начинать исследование экономических отношений социализма с выявления законов и категорий полного коммунизма, пишет: «Такой подход не может оказаться плодотворным, поскольку он противоречит требованиям научного метода исследования». Наоборот, исходным в исследовании экономического строя социализма «должны быть зрелые формы экономических отношений социалистического общества, сложившиеся закономерности и тенденции его развития». При этом Л.И.Абалкин особо подчеркивает, что наши представления об экономических отношениях полного коммунизма в современных условиях могут быть выведены только «из реальных тенденций развития экономических отношений развитого социалистического общества» (Предмет и метод политической экономии социализма. Саратов, 1974, с. 290–291). Считаете ли Вы это мнение ошибочным. а «истинно верным» только свое представление о том, что в «социализме ничего правильно понять нельзя» без предварительного познания коммунизма (22)?

Социализм – это не непознаваемая «вещь в себе», о которой мы можем только гадать и теоретизировать исходя из того или иного представления о предстоящем развитии общества (и любое из которых сегодня еще не может служить опорной базой изучения социализма, а наоборот, само должно быть проверено – подтверждено или опровергнуто – критерием практики, фактами будущего), а конкретный, исторически определенный и реально данный объект познания, доступный отражению в нашем сознании и сегодня. Если бы мы стали судить о сущности социализма, привлекая к этому суждению наши представления о несуществующем пока продукте развития социализма, то тем самым мы лишили бы себя возможности идти по проверенному пути «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152–153), этого надежного и единственно верного исследования объективной реальности социализма, а в определенной степени – и средства ее коммунистического преобразования.

Вы, Альберт Михайлович, пишете, что не можете понять смысла моей, как Вы выразились, «попытки "реанимации"» представлений о социализме как о самостоятельном способе производства и общественно-экономической формации, что не обнаружили ничего нового в аргументации этого положения. Думается, однако, что расхождения между изложенными в диапротобной концепции социализма и общепринятыми взглядами по этой стороне вопроса о социализме как фазах и формациях послекапиталистической 14//15 истории, скорее, относятся к терминологическим, чем к принципиальным, и по ним взаимопонимание может быть достигнуто гораздо легче, чем по вопросу о «смещении».

В самом деле. Если оставить в стороне словесное оформление существа обеих позиций, а разобраться в том, какое реальное содержание вкладывается в утверждение о социализме и коммунизме как фазах единой общекоммунистической формации со стороны общепринятой (беспротивоположностной) концепции социалистического общества и как самостоятельных формациях послекапиталистической истории со стороны настороженно встреченной Вами, Альберт Михайлович, диапротобной концепции социализма, то обнаруживается следующее:

а) обе позиции сходятся в том, что социализм и коммунизм принадлежат послекапиталистической истории, которую надо рассматривать больше, чем просто отрицание только капиталистической ступени социально-экономического развития человеческого общества; ее следует рассматривать и как отрицание более крупной полосы (ступени) развития, включающей в себя рабовладельчество, феодализм и капитализм, и которая характеризовалась антагонистическими, классовыми формами диалектического состава и строения (делением на большие и враждебные друг другу группы людей) развивающегося общества;

б) согласно обеим концепциям превращение социализма в несоциализм, в коммунизм в узком смысле осуществляется нереволюционным путем. При этом данный вывод сторонники общепринятых взглядов необходимо связывают с представлениями о социализме и коммунизме как дробных частях единой общекоммунистической формации; концепция диапротобности социализма обходится без этой связи, этот вывод целиком вытекает из того нового, бесклассового, но диапротобно-классоидного понимания структуры социалистического общества, выведенного в результате теоретического осмысления производственных отношений, присущих социалистической фазе послекапиталистической истории;

в) обе концепции рассматривают социализм и коммунизм в узком смысле 15//16 как фазы (этапы), т.е. одновременно существующие ступени развития более крупного образования, причем беспротивоположностная концепция рассматривает первые по отношению ко второму как первую и последующую фазы единой формации и единого способа производства, а диапротобная концепция – как формации и способы производства низшего порядка (или ранга) относительно формации и способа производства высшего ранга (см. стр. 339–340 рукописи).

Несколько слов о том, почему в гипотезе предпочтение отдано понятиям «социалистический (или собственно коммунистический способ производства)», «социалистическая (или собственно коммунистическая) формация» перед понятиями «фаза социализма», «фаза коммунизма».

Политэкономия *социализма* изучает развивающиеся и присущие *социалистической* фазе послекапиталистической истории производственные отношения, взаимодействующие со своими развивающимися производительными

силами. Если мы признаём правомерность вычленения социализма как исторически определенной фазы восходящего социально-экономического развития общества, если мы признаём *социализм* не эвристической химерой, а вполне определенным, объективно данным объектом познания, то тем самым мы признаём и наличие у *данного* объекта таких сторон, как его производительные силы и производственные отношения, как его базис и надстройка. Если взять, например, эти самые производительные силы и производственные отношения, то они существуют не сами по себе, а во взаимодействии друг с другом, образуя нечто качественно определенное, единое, целое, которое я и называю социалистическим способом производства. Вместо того, чтобы говорить: «единство взаимодействующих специфических производственных отношений реально данной социалистической фазы подлинной (т.е. послекапиталистической) истории человеческого общества со своими производительными силами», – мы говорим проще и короче: «социалистический способ производства».

И наоборот, когда я говорю, например, о социалистической общественно-экономической формации, то имеется в виду именно социалистическая фаза общественного развития, но взятая не вообще, не абстрактно, а в **16//17** смысле единства своих базисных и надстроечных отношений, а не, скажем, в смысле единства своих производительных сил и производственных отношений.

Если вы как сторонники общепринятых взглядов не имеете возражений против выделения в фазах послекапиталистической истории таких сторон, как производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка, если вы признаёте единство и взаимодействие («борьбу») социалистических (или собственно коммунистических) производительных сил с производственными отношениями, производственных отношений – с отношениями надстроечными, то тогда наш спор не стоит и выеденного яйца, потому что это – спор о словах, о дефинициях, о том, что чем называть.

В этом случае выдвинутая концепция ровным счетом ничего не потеряет (но, полагаю, ничего и не приобретет), если в ней, например, мысль о единстве взаимодействующих производительных сил и производственных отношений социалистической фазы будет выражена не словами «социалистический способ производства», а какими-либо другими, скажем: «способ производства фазы социализма», «социалистический подспособ производства общекommунистического способа производства», «социалистический способ производства общекommунистического надспособа производства», «то единство взаимодействующих производительных сил и производственных отношений, которое имеет место на социалистической фазе общекommунистического способа производства» или даже, если угодно, «...на социалистической фазе всей безграничной послекапиталистической истории-луча социально-экономического развития человечества».

Но если вы вместе с другими сторонниками общепринятых взглядов своим утверждением о том, что социализм и коммунизм – это не самостоятельные способы производства, хотите выразить мысль о неправомерности выделения в качестве самостоятельного объекта исследования взаимодействующих между собой исторически определенных социалистических производственных отношений и производительных сил, взятых в том единстве, которое характерно именно для фазы социализма, в противовес требованию изучения закономерностей и характерных особенностей, отличительных признаков взаимодействия производственных отношений с производительными силами при коммунизме вообще (которые мы сможем познать в лучшем случае только на второй фазе послекапиталистической истории), то тогда мы вновь возвращаемся к вопросу о «смешении», т.е. к вопросу о том, можно или нет что-либо «правильно понять в социализме», познаваем ли социализм при **17//18** социализме без привлечения к его познанию априорных представлений о коммунизме в широком смысле, а значит, как это показал нам Н.А.Цаголов, – и в узком смысле.

Конечно, мне хотелось бы получить ответы и на многие другие вопросы, возникшие по прочтении ваших отзывов, и в их числе следующие:

– выражает ли Ваше письмо, Александр Трофимович, только Ваше мнение рукописи, или в нем изложена позиция и тех специалистов Института философии, о которых Вы упомянули в письме от 4.10.83 (23?)? Кто именно участвовал в рассмотрении рукописи (24?)?

– о каком ответе А.М.Еремина на мои письма в редакцию «Правды» пишете Вы, Александр Трофимович (25?)?

– почему абстрагирование от отношений кооперативной формы общественного производства (которое Вы, Альберт Михайлович, судя по пометкам в рукописи и содержанию Вашей статьи в № 9 «Вопросов экономики» за 1983 год, также считаете вполне правомерным), Вами, Александр Трофимович, представлено так, будто я игнорирую закономерный характер кооперации мелких собственников, причем ссылаетесь на мнение А.М.Еремина, хотя в отзыве, полученном мной из Института экономики, об этом – ни слова (26?)?

– если вы не согласны с критикой общепринятых представлений о делении социалистического общества на «не вполне классы» рабочих, колхозников и «некласс» интеллигенции, то как относитесь в принципе к идее поиска не вне, а в самом развивающемся социалистическом обществе диалектических противоположностей (пусть на иной, а не на ошибочной, с вашей точки зрения, основе, как это предпринято мной в концепции классовидности социалистического общества) (27?)?

– или вы считаете, что социалистическое общество – это такой развивающийся объект социальной действительности и познания, который не может раздваиваться и не раздваивается на диалектические противоположности (28?), а тем самым не вписывается в сферу действия всеобщих законов диалектики (29?)? **18//19**

– почему Вы, Альберт Михайлович, подошли к оценке выдвинутой концепции с позиции Ваших (и далеко не общепризнанных) представлений об отношениях *личной собственности* на жизненные средства как исключительно о бесплотной правовой форме, не имеющей своего реального политэкономического содержания в базисе (т.е. в производственных отношениях) социализма (30?)?

Очень жаль, конечно, что в результате проведенного обмена информацией взаимопонимание между нами достигнуто пока лишь по небольшому числу рассмотренных диапротобно-классовидной концепцией социалистического общества вопросов. Правда, вызывает удовлетворение положительная оценка стремления «к систематическому анализу содержания важнейших экономических и социально-политических вопросов», признание небезосновательности моей критики отдельных положений политической экономии социализма и теории научного коммунизма, отсутствие в отзывах контр-аргументов а ля «питекантроп со звездочкой»

И я убежден, что трудности, которые испытывают сегодня социально-экономические науки, – преодолимы, а задачи, поставленные партией перед обществоведами, – выполнимы. Но успех, думаю, будет сопутствовать только тем исследователям и их коллективам, которые способны критически подойти к любому социально-экономическому представлению, отражающему реальность социализма, ибо нет такого положения, про которое можно сказать: «вот она – эта абсолютная и непререкаемая истина, не подлежащая проверке фактами жизни, критерием практики, неспособная к своему дальнейшему развитию, как его (развитие) понимают диалектики». Сам по себе критический подход к отдельно взятым представлениям, однако, едва ли сможет принести какие-либо положительные результаты, если он не будет подчинен задаче взаимоувязать их

между собой, согласовать с опытом, дать такое комплексное решение тесно взаимосвязанных и взаимопроникающих друг в друга вопросов политической экономии социализма, диалектического и исторического материализма, теории научного **19//20** коммунизма, которое окажется способным стать действенным рычагом ускорения темпов социально-экономического развития нашего общества. А это и есть то главное. за что должны биться все. кто так или иначе (по долгу службы и (или) совести) оказался причастным к познанию социалистических общественных отношений.

Еще раз большое и искреннее спасибо за проделанную работу, за замечания и отзывы на мою рукопись вам и всем тем, кто оказался причастным к доставленным мной незапланированным хлопотам. Высказанные вами возражения и замечания я постараюсь учесть или использовать в своей работе над осмысливанием социально-экономических закономерностей функционирования и развития социализма как такового, закономерностей его превращения в несоциализм, в другую, высшую, несоциалистическую фазу, в собственно коммунистический способ производства и социально-экономическую формацию (в том смысле, о котором было сказано выше).

Желаю вам, уважаемые Александр Трофимович и Альберт Михайлович, творческих дерзаний, высокого и смелого полета мысли, больших успехов в решении сложных актуальных проблем теории социально-экономического развития социализма и его превращения (перерастания) в коммунизм, а еще – доброго здоровья, личного счастья, и главное – прочного мира над небом нашей великой страны, над небом всей нашей планеты.

С уважением –

подпись

В.А.Архангельский
14.12.83.

Предыстория письма

16 сентября 1983 г. мной в Москве были преданы три экземпляра моей работы «Концепция социализма как общества диалектических противоположностей» следующим учреждениям:

- 1) Центральному Комитету КПСС (в справочную-приемную);
- 2) Институту экономики АН СССР;
- 3) Институту философии АН СССР.

Ниже приведен полный текст сопроводительного письма в ЦК КПСС.

Центральному Комитету
Коммунистической партии
Советского Союза

Уважаемые товарищи!

Обратиться к вам меня заставляет чувство гражданского долга, который я ощущаю перед партией в связи с полученными при изучении проблем общественных наук результатами. Поскольку речь идет о том, чтобы не упустить одну из имеющихся возможностей решения уже в самое ближайшее время актуальных проблем политической экономии социализма, научного коммунизма, исторического материализма (в том, что эта возможность не иллюзорна, а вполне реальна, у меня нет никаких сомнений), я обращаюсь непосредственно к Центральному Комитету партии, ибо не нахожу, чтобы данный вопрос мог бы быть решен по существу каким-либо ее комитетом или организацией на местах.

Направляя вам свою рукопись «Концепция социализма как общества диалектических противоположностей», я исхожу из того, что никто не сможет распорядиться ею лучше, чем ЦК КПСС, и рассчитываю на следующее.

1. Руководство партии примет к сведению, что уже имеется и продолжает развиваться не предусмотренная никакими планами научно-исследовательских работ, далеко не шуточная концепция, преследующая цель (а по глубокому и твердому убеждению ее автора – существенно приблизившаяся к ней) решения ряда важнейших теоретических и методологических проблем политической экономии социализма, исторического материализма, теории научного коммунизма.

2. Ответственные в ЦК КПСС за состояние и развитие теории марксизма-ленинизма товарищи ознакомятся с существом выдвинутой концепции сами и организуют ее рассмотрение в заинтересованных научных учреждениях при ЦК КПСС и в системе АН СССР (Институте марксизма-ленинизма, Академии общественных наук, Институте экономики, Институте философии, Институте социологических исследований).

3. Центральный Комитет или уполномоченный им на то партийный орган или учреждение по мере необходимости будет информировать разработчика концепции о ходе и результатах ее рассмотрения с тем, чтобы у автора имелась возможность участия в разрешении возникающих при этом вопросов или недоразумений, что содействовало бы более быстрому и успешному рассмотрению данной работы.

4. Руководство партии примет на себя определенную часть давящего на меня груза моральной ответственности за судьбу и темпы дальнейшего развития выдвинутой концепции.

Должен отметить, что в 1975 и 1976 годах я уже обращался в орган ЦК КПСС газеты «Правда» с просьбой посодействовать решению стоявшей передо мной в то время дилеммы: то ли влезть в намеченное мной исследование, как говорится, со всеми потрохами (и в этом случае я просил оказать мне некоторую помощь), то ли отказаться от этого намерения ввиду огромных трудностей, и прежде всего колоссального дефицита времени. Ответ на первое письмо оказался обыкновенной отпиской, которую я как беспартийный, скажу прямо, никак не ожидал получить из редакции столь уважаемой газеты, а из ответа на второе письмо следовало, что мне не удалось привлечь внимание газеты своими планами исследования (и это тоже вполне можно понять, поскольку, с одной стороны, самой концепции, по существу, еще не существовало, а с другой стороны, и в самом деле, наверное, очень всерьез отнестись к предложению какого-то никому не известного инженера заняться решением таких вопросов, над которыми даже признанные специалисты бьются в течение долгих лет и не находят решения), что попытка самостоятельно разобраться в вопросах общественных наук только приветствуется, но что мне не следует торопиться с выдвиганием «гипотез» (переписка прилагается).

Пришлось продолжить разработку темы, используя полученный из редакции критический материал, самостоятельно и по мере своих весьма ограниченных возможностей интенсифицировать работу. Разумеется, дела продвигались не так быстро, как того хотелось бы, сделано далеко не все, что задумано, но ведь и сама тема исследования – не маковое зернышко.

Принимая решение о возможности и необходимости выноса на самый строгий суд партии и научной общественности достигнутых к настоящему времени результатов, я исходил из следующих соображений.

1. Поскольку работа проведена «частным лицом», к тому же непрофессионалом, на его собственный страх и риск, требования к ней будут чрезвычайно жестки: то, что позволено Юпитеру, не всегда прощается простому смертному. А так как выдвинутая концепция не нашла еще в рукописи всеми имеющимися у ее автора аргументами, то до выноса на обсуждение ее следовало бы укрепить ими. Однако не зная заранее, какие именно положения рукописи могут вызвать наибольшие сомнения и возражения, пришлось бы задержать на неопределенный срок ознакомление с ней заинтересованных организаций и лиц, что не в их интересах, как и не в интересах общественных наук.

2. Малейшая оплошность, неточность в фактах, в интерпретации взглядов классиков и других исследователей на те или иные вопросы при желании всегда может быть раздута из мухи в слона и стать таким образом, «научным» опровержением главных идей концепции, тем более, что даже в общественных науках в среде ученых-профессионалов и до сих пор, как будто, не до конца искоренены такие явления, как склоки, подсиживания, сведение личных счетов (см. Вопр. филос., 1977, № 1, с. 154). Однако я рассчитываю и надеюсь, что все обнаруженные при обсуждении недочеты могут быть и будут устранены (для этого, в частности, работа и выносится на обсуждение), и не будут использованы в неблагоприятных целях в силу высоко развитого чувства гражданского, научного и партийного долга подавляющего большинства советских обществоведов.

3. Выполненное исследование привело меня к твердому убеждению в том, что его результаты не являются объектом интереса одного человека, поскольку, по всей видимости, смогут сыграть важную роль в преодолении трудностей, испытываемых общественными науками, и в их дальнейшем развитии.

4. Продолжение данного исследования на общественных началах, если оно только действительно представляет интерес для партии и науки, было бы недопустимым из-за крайней его малопродуктивности.

5. Принятое XXVI съездом партии Постановление о подготовке новой редакции Программы КПСС, обязывающее ЦК глубоко научно отразить в ней «важнейшие изменения в жизни советского общества..., главнейшие задачи строительства коммунизма», учитывая тот огромный долг советских обществоведов перед партией, о котором, в частности, говорилось Л.И.Брежневым на XXVI съезде КПСС, М.А.Сусловым на совещании заведующих кафедрами общественных наук после съезда, Ю.В.Андроповым и К.У.Черненко на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, крайне

остро требует выхода советской общественной науки на новые, передовые рубежи. Это делает невозможным принятие мной всей ответственности на себя за риск неиспользования предполагаемых результатов. Ждать, пока время и практика сами по себе докажут правомерность (или ошибочность) выдвинутой концепции, нельзя: до XXVII съезда осталось не так много времени, а работы, если правомерность новых выводов выдвинутой концепции подтвердится хотя бы даже на четверть – невпроворот.

6. Обществоведы и товарищи из руководства партии или из его аппарата, так же, как и автор письма, не будут особенно смущены тем обстоятельством, что концепция выдвинута непрофессионалом, беспартийным. Они будут иметь в виду прежде всего то, что ее разработчик – хоть и четвертьмиллиардная частица, но частица именно великого советского социалистического общества, **все** члены которого связаны воедино глубокими, коренными объективно существующими общими интересами. Наше будущее, будущее наших детей, сохранение мира на планете, темпы дальнейшего социально-экономического развития нашей страны, стран социалистического содружества, – все это зависит сейчас от *всех нас* самих, а значит, и меня лично в том числе. Поэтому и моя хата тоже не с краю, а в центре общественных наук, занимающих исключительно важное место во всей жизни нашего общества.

Содействовать осознанию общности коренных интересов всех советских людей каждым советским человеком, содействовать устранению из реального бытия советского общества всего, что противостоит этой общности интересов, разрыхляя его, содействовать тем самым превращению общества в такой монолит, где результаты практической деятельности уже ни одного члена общества не направлены против интересов социалистического общества, – вот цель, которую преследует выдвигаемая концепция, и в этом она не расходится ни с практически-преобразующей функцией марксистско-ленинской науки, ни с стратегическими целями и задачами Коммунистической партии Советского Союза.

Приложения:

1. Рукопись «Концепция социализма как общества диалектических противоположностей» в 3-х тетрадах.
2. Письма в редакцию газеты «Правда» от ноября 1975 г. и 21 апреля 1976 г. в 5-ти тетрадах.
3. Копии писем из редакции «Правды» от 10.12.75 и 21.05.76 г. на 3-х листах.

С искренним уважением
Подпись
14.19.83

В.А.Архангельский
адрес
контакты

При передаче рукописи в ИЭ АН СССР ученый секретарь сообщил, что работу будут рассматривать В.Н.Черковец и А.М.Еремин.

Спустя некоторое время мной были получены разгромные отзывы из Института экономики (отзыв никем не подписан, сообщено только в сопроводительке, что он подготовлен Отделом общих проблем политической экономии социализма) и Института философии (за подписью ученого секретаря к.ф.н. Шаталова).

Содержание и стилистика этих продуктов академической науки, вероятно, стоят того, чтобы интересующиеся историей общественных наук в СССР моли бы с ними познакомиться и получить более полное представление об их состоянии, но и из моего письма А.Т.Шаталову и А.М.Еремину от 14 декабря 1983 и последующей реакции Шаталова и Еремина становится ясным многое.

ЦК КПСС в переписку со мной не вступил, отмолчался. Не отправили в дурдом, не посадили на нары, не выслали за кордон – и на том спасибо партии родной. Из информации от ИФ АН СССР, из замечаний на полях экземпляра рукописи, побывавшего в ИЭ АН СССР следует, что ЦК КПСС поручил этим институтам дать ему заключение по этим работам. Можно только представить, что они содержали.

Реакция Еремина и Шаталова

Вопреки моим ожиданиям, ответили и Еремин, и Шаталов.

Еремин (и его руководитель Черковец) сваял дурочку, вообще не дав ни одного ответа ни на один из 30 вопросов. Вот его письмо со штемпелем отправки 11.01.1984.

Тов. Архангельский!

Из Вашего письма, отправленного мне и какому-то неизвестному мне «Александру Трофимовичу» я мало, что могу понять.

Что касается меня, то я действительно считаю необходимым исходить в анализе социализма из общекommунистических отношений. Они не «априорные идеальные представления о социализме» (стр. 13), а то, что уже есть при социализме (поскольку низшая и высшая фазы коммунизма представлены одним способом производства, с одним основным отношением, с одной целью производства и т.д.), хотя – и не в вполне развитом виде. О том, что социализм – это

неполный коммунизм, Вы видимо знаете (но и коммунизм с точки зрения глубинных, хотя и неполно развитых характеристик. Не представляю я себе и каких-то товарных черт, свойств рабочей силы (стр. 8). При социализме нет вообще товарного производства, хотя и сохранились товарные формы.

По остальным вопросам я не очень понимаю, о чем идет речь.

Еремин (подпись)

Ответ Шаталова – на заключительных страницах. Почти ото всех конкретных и четких вопросов философы ушли, зато как ни в чем ни бывало, без тени смущения мне сообщили, что, оказывается, действительно, что-то новое в работе есть, оценку этому еще никто не давал, ну, солгали мне и Центральному Комитету, что все, что ни есть в работе - это давным-давно известная и раскритикованная клевета на социализм, но все равно я не прав ни в чем. Интересно бы, конечно, найти в бывшем архиве ЦК КПСС – архиве Президента РФ (или в архиве КПРФ?), как было преподнесено нашими академическим идеологами их отношение к моей критике их собственных воззрений? Вот об этом мы едва ли когда-нибудь узнаем...

Вот вам и 20 лет без СССР.

Новые термины, употребленные в «Концепции социализма как общества диалектических противоположностей» и при ее обсуждении в настоящем письме.

Диапротобность – раздвоенность общества на свои диалектические (социальные) противоположности, классовые или неклассовые.

Диапротобный – имеющий отношение к *диапротобам*, к социальным полюсам развивающегося общества.

Диапротобы – диалектические противоположности общества, родовое понятие по отношению к общественным классам и *классоидам*.

Диапротобно-классоидный – относящийся к *диапротобам*, т.е. к диалектическим противоположностям общества в их *классоидной* форме.

Классоидный – относящийся к *классоидам*, т.е. к неклассовым полюсам (диалектическим противоположностям) человеческого общества.

Классоидность – раздвоенность общества на свои классоидные (неклассовые) социальные противоположности.

Классоиды – одна из возможных форм *диапротоб*, неклассовых полюсов человеческого общества, поляризованного, как и все прочие развивающиеся объекты природы и общества, и обнаруженные в неантагонистическом социалистическом обществе и предположительно присущих будущей коммунистической (в узком смысле) фазе развития человеческой истории. Классоидная (в противоположность классовой) поляризация общества поляризует общество не на большие группы людей, а так, что поляризованным оказывается каждый член общества.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового
Красного Знамени
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

121019, Москва, Волхонка, 14
тел. 203-91-09

84.01.12 № 14204/1851-269

На _____

Уважаемый тов. Архангельский В.А. !

Благодарим Вас за пояснения к некоторым спорным местам Вашей рукописи о диалектике развития социализма. Относительно содержащихся в Вашем письме вопросов заметим следующее.

Вопросы I-9 скорее всего являются риторическими и не требуют ответа. Каких-либо оснований для разногласий с Вами здесь не усматриваем.

Вопросы 10-11 - относительно Вашего приоритета в разработке гипотезы о "классовидной", или "диапротобной" социальной структуре социализма. Действительно, такая гипотеза еще никем не выдвигалась. Однако не ясно, какой практический смысл она может иметь. Изучение социальной структуры в марксизме всегда имело вполне конкретную цель - не только выявление движущих сил развития общества, но и определение социальной базы коммунистического движения, точный расчет соотношения социальных сил и факторов, оказывающих влияние на тот или иной политический курс партии. О каком же точном расчете может идти речь, если к каждому из предлагаемых Вами "классоидов" можно причислить всех и в то же время никого?

Вопрос 12 - о товарном (или нетоварном) характере рабочей силы при социализме. Этот вопрос по-прежнему остается спорным. Как нам показалось, в Вашем письме наметилось стремление снять известный момент односторонности (акцент на признаках товара у рабочей силы). Однако остаются в силе выводы о "глубе неслышанной тяжести", о "наемническом отношении к труду" и пр., делающие Вашу концепцию в целом неприемлемой с научной и полити-

ческой точки зрения. В качестве контргипотезы предлагаем Вам обдумать следующее предположение. Не являются ли возникающие в сфере общественного сознания (а также в Вашей работе) представления с товарности рабочей силы отражением определенных отклонений от нормальных законов функционирования экономического базиса социализма? Не возводите ли Вы эти нарушения в принцип, объявляя их родовым, существенным свойством социализма?

Вопросы 13-22 - о соотношении исторического и логического в исследовании закономерностей развития реального социализма. Вы настаиваете на ранее выдвинутых тезисах, что социализм есть самостоятельная формация (или способ производства), что для познания его сущности нет необходимости прибегать к понятию коммунизма, что социализм может и должен быть объяснен целиком "из самого себя", т.е. из его внутренних противоположностей. По всем этим позициям мы никак не можем с Вами согласиться. Вы неправоммерно разрываете низшую и высшую фазы единой коммунистической формации. Уже в сегодняшнем социализме есть, хотя и не заметные с первого взгляда, ростки коммунизма, в "полный" коммунизм, в свою очередь, будет включать в себя некоторые существенные черты социализма. Дело еще и в том, что теорию научного социализма нельзя развивать, минуя общие, основополагающие принципы коммунистической идеологии марксизма-ленинизма, отражающей преемственную связь всех важнейших этапов и задач коммунистического движения. Понятия коммунизма, коммунистичности - это не "априорные идеальные представления", а вполне научные, плодотворные абстракции, выражающие реальные тенденции развития и позволяющие лучше понять конкретные процессы становления нового общества. Их научная ценность как раз в том и заключается, что они дают возможность охватить изменение общества в целом, в единстве всех его сторон и исторических этапов. Поэтому отказ от этих понятий означал бы прекращение не "схематического теоретизирования", а всякого теоретизирования вообще, отказ от научного социализма.

Ученый секретарь
Института философии АН СССР

 А.Т. Шаталов

*Это важно - не
забыть*

Копия 22.01.84.
(отправлено 18.01.84)